



HAL
open science

История и Память в современном дискурсе власти.

Valery Kossov

► **To cite this version:**

Valery Kossov. История и Память в современном дискурсе власти.. Mnemopoetics of the 20th-century Traumas: Poetry, History, Culture., SLAS of University of Lausanne; DFG-Centre for Advanced studies of Trier University "Russian-language poetry in transition"; Leonid Nevzlin Research Center for Russian and East European Jewry (The Hebrew University of Jerusalem, Dec 2021, Lausanne (CH), Switzerland. <hal-04944952>

HAL Id: hal-04944952

<https://hal.science/hal-04944952v1>

Submitted on 13 Feb 2025

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Valéry Kossov

Intervention au colloque *Mnemo-poetics of the 20th-century Traumas: Poetry, History, Culture*

University of Lausanne (Switzerland) : September 1-3, 2021

История и Память в современном дискурсе власти

Les représentations mémorielles et l'histoire dans le discours du pouvoir en Russie contemporaine.

Введение

Построение национального исторического нарратива и политика памяти становится приоритетной задачей в России и в других государствах, где вопрос становления национальной идентичности находится на острие политической повестки и где различные социальные группы не находят консенсуса по некоторым чувствительным историческим вопросам. Кроме того история и ее интерпретация стала весомым политическим ресурсом для власти, которая использует его для легитимации своей политики и делегитимации оппонентов. В своем докладе я попытаюсь разобраться особенности использования отсылок к истории в дискурсе политической власти современной России.

Под дискурсом власти понимается публичное воспроизведение идей и концепций представителями политической группы, выступления которых доминирует в коммуникативном пространстве внутри страны и за ее пределами, и которые позиционируют себя как часть государства.

Речь пойдет об интервью и пресс-конференциях нескольких представителей государства, которые я проанализировал с помощью методологии количественного и, в большей степени, качественного анализа для того, чтобы выяснить, какие периоды истории наиболее часто упоминаются в выступлениях и как исторические референции используются в аргументативных стратегиях коммуникантов с целью легитимации и делегитимации. Каковы финальные цели коммуниканта? Идет ли речь только о

самолегитимации или аргументации своей позиции или задача состоит в конструировании и трансляции особой модели памяти? Какие репрезентации памяти выносятся на первый план и насколько в них коррелируют травматические элементы с героическими? Наконец, ведет ли такая инструментализация истории к появлению новой национальной идеологии с четкими чертами коллективной идентичности в противопоставление внешним идеологемам или речь идет о латентной идеологии, элементы которой адресат дискурса воспринимает в качестве объективной данности, не рассматривая идеологемы, как навязанные сверху.

Корпус исследования состоит из стенографических записей интервью и пресс-конференций и охватывает период с 2012 по 2021 года. То есть время, когда, после выхода одной из программных статей В. Путин о национальной идентичности, исторические референции начинают все чаще использоваться в официальной риторике, а построение коллективной памяти и идентичности становится если не приоритетной государственной задачей, то по крайней мере одной из ключевых тем стратегического нарратива.

В корпусе особенно выделяется фигура президента Путина, выступления которого занимают львиную долю коммуникативного пространства. Поэтому многие примеры берутся из интервью и пресс-конференций с президентом. Однако поскольку часто исторические референции встречаются в сюжетах, связанных с международными отношениями, среди коммуникантов можно выделить министра иностранных дел Лаврова. Кроме того вопросы, связанные с историей и памятью, затрагиваются в аргументации бывшего министра культуры В. Мединского, и в меньшей степени это свойственно бывшему президенту и премьеру Д. Медведеву.

Исторические референции в аргументации власти.

Референции, которые часто используются в аргументативных стратегиях, как правило, связаны со сравнительно недавними событиями и эпизодами истории России. Это последняя треть 19 века, революционный момент 1917 года, общие отсылки к совсем свежим событиям перестройки и 1990х годов. Наибольшее внимание в дискурсе, как и в целом в мемориальной политике государства, уделяется периоду Второй мировой войны, геополитической ситуации до начала войны и новому мировому порядку,

сложившемуся в послевоенные годы. Отсылки к более ранним периодам истории используются реже, хотя встречаются, когда речь заходит о формировании идентичности.

Референции, как правило, используются в разных контекстах для легитимации позиции во внешней политике. Это вопросы многополярности и гегемонии США, отношения с Украиной и другими государствами на постсоветском пространстве. Это также вопросы, связанные с особенностями национальной идентичности и ценностей и с отличиями России от коллективного запада. В контексте внутренней политики исторические референции, как правило, направлены на делегитимацию оппонента в самых разных контекстах, но в целом сводящимся к цели нейтрализации политической оппозиции в общественном мнении.

Репрезентации памяти Великой Отечественной войны.

Тема Второй мировой войны давно стала предметом столкновений в мемориальной политике государств, законодательстве и политическом дискурсе. В России дискурс исторической правды начинает активно оформляться в коммуникативном пространстве начиная с 2007 года, когда эстонские власти решают перенести памятник Неизвестному солдату из центра города на военное кладбище.

Впоследствии высказывания приобретают более или менее наступательный характер, в зависимости от политической повестки и момента, когда проблематика памяти позволяет обвинить Запад в том числе и в развязывании «войн памяти, цель которых вырастить в России поколение манкуртов и взять под контроль российские территории и ресурсы». Этот дискурс подкрепляется в целом мемориальной политикой, которая отражается в новых законах, проникает в сферу литературы, кино, культуры, отражая сформированные дискурсом репрезентации.

Использование символов и смыслов, которые несет в себе память о войне, свойственен и западному политическому дискурсу, где можно встретить и сравнение Путина с Гитлером Хилари Клинтон, и сравнения британских врачей с героями войны королевой Елизаветой. Сравнения путинского режима с фашистским проводится и в различных академических работах. Мемориальные законы и резолюции принимаются как в отдельных европейских странах, так и на уровне Европарламента.

В этой ситуации дискурс власти о войне становится частью стратегического нарратива, с помощью которого Москва пытается подтвердить свой статус в системе Европейской безопасности и в целом не утратить свои позиции при коллективном решении внешнеполитических проблем.

Таким образом интерпретация геополитической ситуации в Европе до начала войны становится ключевым вопросом для обсуждения. В частности для российской власти важно легитимировать позицию СССР в конце 30 годов и переложить всю ответственность за начало войны на европейские державы. Отсюда в публикациях, как, например, в недавней статье Путина, и доминирующем дискурсе акцент делается на Мюнхенской конференции и соглашениях, при этом Пакт Молотова Риббентропа остается в тени.

Эта проблематика поднимается в одном интервью Путина, где уже вопрос журналиста содержит имплицитное разделение на своих и чужих. Возможно такая постановка вопроса ведет к построению структуры ответа. Как это свойственно Путину, ответ начинается с дискредитации чужого с использованием эмоционально окрашенной лексики и разговорных структур. Это сразу ведет к снижению статуса пока еще не совсем определенного чужого для адресата, не специалиста по истории. После эмоционального начала, как правило, президент начинает аргументировать свою позицию в нейтральной стилистике с элементами канцелярита. Аргументация строится на официальной позиции власти, в которой ключевую роль в делигитимизации играют Мюнхенские соглашения, а Пакт Молотова Рибинтропа опускается. Так как в целом высказывание направлено на адресата не специалиста, потенциально разделяющего мнение о фальсфикациях истории на западе, упоминание пакта и не требуется. Необходим эмоциональный позыв, простая аргументация и ссылка на авторитет источников, которую Путин делает в конце ответа.

Тем более что вопрос оценки пакта вызывает споры среди историков, а российская власть считает, что во-первых история для обывателей должна быть понятной и однозначной, во-вторых политик не должны уподобляться историкам. Но при этом политики должны стоять на охране памяти, и памятников тоже.

Именно в этом ключе строится стратегия делегитимации в интервью С. Лаврова. В ответе на вопрос о демонтаже памятника маршалу Коневу в Праге, министр начинает с обвинительной тактики, направленной против оппонентов, чешских коллег, которых упрекают в использовании истории для достижения политических целей. Круг чужого разграничен не четко, но контекст позволяет понять цель, состоящую в легитимации определенного мемориального статуса кво, противопоставленного оппоненту. Затем в стратегию делегитимации вводятся юридические элементы, в частности ссылки на Договор о дружбе между Россией и Чешской республикой 1994 года и даже на решения Нюрнбергского трибунала. Таким образом нелегитимный характер решения о демонтаже памятника обосновывается нарушением международного права.

Аргументарий Лаврова основан в то же время на сопоставлении юридических документов разного значения и эпох. Между ними нет прямой связи, хотя они все относятся к международному праву. Таким образом правовые аргументы ориентированы снова на усредненного адресата, не юриста. Это позволяет делать определенные логические пропуски, добиваясь персуазивного эффекта. При этом контекстные лакуны, в частности причина, по которой муниципалитет Праги решил демонтировать памятник маршалу Коневу, участнику подавления восстания 1968 года, опускаются и заменяются на паралогические аргументы апеллирующие к международному праву, легитимному по определению.

Генерализация при апелировании к международному праву и его применению в истории может сменяться напротив приемом конкретизации, когда в зависимости от коммуникативной задачи необходимо легитимизировать позицию своего круга из прошлого. В частности Лавров приводит в качестве предпосылки высказывание властей Евросоюза, которое представлено как попытка манипуляции через обобщение (они говорят, что мы нарушили мировой порядок). Затем министр приводит свои аргументы, представленные напротив через тактику конкретизации. Украина вступила в ООН, когда Крым не был ее частью. То есть, согласно аргументации Лаврова, мировой порядок был в каком-то смысле восстановлен после 2014 годы. В конце концов в заключении находится главный ответственный, Никита Хрущев.

Таким образом международное право, даже перенесенное в исторический контекст, служит своего рода моральным и этическим барометром. Кроме того международное

право по определению несет в себе потенциал легитимности. Оно сформировалось после самого серьезного мирового конфликта, и никто не может оспаривать эти нормы. Поэтому в дискурсе власти исторические сложившиеся международные нормы ассоциируются выборочно с нужными репрезентациями памяти.

Таким образом формируется общая дискурсивная стратегия, в которой прослеживается связь между историей, формирующей международное право, и памятью, которое это право должно защищать и предоставлять решения для современных международных проблем. Можно заметить, что Путин ставит Россию в центре этой системы координат, оставляя на периферии других международных акторов.

Мнемонические нарративы и круг чужого и своего.

Исторические референции используются также для того, чтобы отделить тех, кто разделяет официальную версию памяти, и тех, кто с ней не согласен, и таким образом относится к кругу чужого. При этом с одной стороны создается образ коллективной идентификации с коммуникантом, с другой – выделяется круг чужого, дистанцированного от официальных репрезентаций памяти. Это позволяет представить любых критически настроенных оппонентов как нелегитимных, квалифицируя их как носителей иной, чужой идентичности.

В частности, реакция Лаврова на критику милитаризации сознания во время празднования дня победы начинается сначала со сравнения, что в целом свойственно в аргументации Кремля. Затем министр снова прибегает к аргументативной лакуне, чтобы атаковать внутреннего чужого, который мог как-то поставить под вопрос необходимость героизма во время ленинградской блокады.

Объединение в одну группу всех внутренних оппонентов вокруг темы отношения к войне позволяет Лаврову ввести в дискурс критерий патриотизма, по которому проходит разделение на своих и чужих. Это же становится и критерием, определяющим принадлежность к национальной идентификации внутри страны.

В то же время история может послужить и своего рода инструментом сближения, введения в свой круг. В частности, комментируя российско-украинские отношения В. Путин начинает свой ответ с развертывания тактики солидаризации, используя отсылки к истории как способ формирования своего круга. Солидаризация подкрепляется

аплированием к общей истории, демонстрацией уважения, как имплицитного (предлог в), так и эксплицитного, вербально, или опосредованно через ссылок на украинских националистов 19 века. Однако в целом тактика солидаризации направлена на общую цель дискредитации, делегитимации власти современной Украины. Она обвиняется в коррупции и снова обслуживании интересов запада. Таким образом от истории, солидарной идентичности происходит возврат к современности и легитимации своей политической позиции через лишения легитимности оппонента.

Заключение

Анализ корпуса позволил выявить широкое использование дискурсе исторических референций и репрезентаций официальной версии памяти. При этом особое внимание уделяется памяти о войне. Отсылки к различным эпизодам ВОВ встречаются чаще, чем упоминание других периодов, например, революций или событий 19 века. В любом случае такая инструментализация истории и памяти направлена либо на выделение своего круга и круга Чужого и опосредованную легитимацию себя и делегитимацию Чужого. Либо речь идет о конкуренции других дискурсов памяти с иными интерпретациями событий, исходящими извне или формирующимися внутри общества.

В то же время для легитимации официальной версии памяти могут быть мобилизованы различные юридические аргументы, которые зачастую служат целям делегитимации, иногда с использованием демагогических тактик (обобщение, гиперболизация, умалчивание). С другой стороны, официальные репрезентации памяти представляют собой общий знаменатель для доминирующей модели национальной идентичности, понимаемой как коллективная цивилизационная российская идентичность. Возможно, сама по себе такая модель выглядит не достаточно убедительно, поскольку российское общество в целом не четко осознает себя единой нацией. Возможно, само понятие нация отходит вообще в мире на задний план и больше не играет той государствообразующей роли, которая была у нации начиная с 18 века. Поэтому инструментализация памяти о ВОВ выглядит как эффективное средства для того, чтобы сформировать определенное общественное согласие и помешать появлению

альтернативных репрезентаций и той плюралистичности, которая, согласно власти, несет в себе деструктивное начало, как это было в период гласности.

Таким образом, через дискурс формируется доминирующая или гегемоническая память, определяющая модель коллективной идентичности, основанной на мифе об общности судьбы, исторической траектории. Использование в дискурсе исторических референций и репрезентаций памяти позволяет власти придать легитимность этой идентичности, увязанной с коллективными интересами и интересами государства, которые по сути являются интересами группы, находящейся у власти. Поскольку в целом средний адресат дискурса не убежден по определению в совпадении коллективных интересов с интересами государства, аргумент общей идентичности, основанный на памяти, придает дискурсу большую убедительность, создавая ощущение общих интересов и легитимности власти, сохраняя таким образом ее статус кво. В сфере международных отношений тот же самый аргумент позволяет подтвердить единую позицию власти и общества и придать легитимности статусу России в системе Европейской и мировой безопасности. Кроме того это еще и удобное средство для культивирования образа бинарного мира с четким разделением на свою и чужую идентичность.

Введение категории чуждости позволяет использовать историю для делегитимации оппонента. В стратегии легитимации здесь можно выделить два вида тактик и приемов. В одной стороны исторические референции комбинируются с апеллированием к правовой легитимности с опорой на международное законодательство, которое играет вспомогательную иллюстративную роль. С другой, история и память позволяют объяснить и оправдать разногласия с оппонентом, представляя их в свете защиты коллективных интересов. В частности, введение в дискурс парадигмы чужой идентичности позволяет легитимизировать концепцию суверенитета и таким образом ответить на критику той или иной позиции в международных вопросах.

В целом, в реконструкции памяти и основанной на ней особой идентичности, дискурс власти использует историю как большую метафору, которая позволяет представить легитимными современную политику и будущие проекты власти. Интерпретация настоящего через прошлое дает возможность скрыть реальный дефицит легитимности

власти и ее различных инициатив, направленных на укрепление авторитарного режима. В связи с отсутствием четко построенной авторитарной идеократии власть стремится транслировать через конфликты памяти различные интересующие ее смыслы и идеологемы как идущие непосредственно из общества, а не навязанные сверху.